

DOI: 10.17805/zpu.2025.6.

Гибридные практики себя в пространстве современных антропологических рисков

Е. В. Гилл

НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

В статье анализируются примыкающие практики (термин С. С. Хоружего) как вид практик себя (термин М. Фуко), представляющие собой эклектическое либо систематическое соединение социальных практик с духовными, как антропологический феномен глобальной реальности. В контексте онтологической недостаточности как базовой антропологической характеристики с помощью методологии синергичной антропологии С. С. Хоружего описаны основные топики компенсации недостаточности, размыкаясь в направлении которых человек конституирует себя: онтологическая, онтическая и виртуальная. Цель исследования состоит в определении роли и перспективы примыкающих практик как способа преодоления онтологической недостаточности в контексте антропологических рисков. Показано, что основным видом практик преодоления недостаточности сегодня являются гибридные практики, сочетающие элементы практик духовных и социальных, которые, как показывает автор, противоположны традиционализму.

Ключевые слова: примыкающие (гибридные) практики; духовная традиция; практики себя; онтологическая недостаточность; традиционализм; синергичная антропология; антропологические риски

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня наука и религия регистрируют формирование новых страстей в процессе реализации человеком «тренда ухода», который, по мнению С. С. Хоружего, обозначает вектор исчезновения человека со сцены истории, переход к Постчеловеку, или Виртуальному человеку (Хоружий, 2008). Появляются новые виды практик себя, когда человек отдает значительную часть своих действий и решений аутсорсингу, — тех действий, которыми он обслуживал свое повседневное бытие, прилагая усилия, и которые делали его человеком (Смирнов, 2023: 19). Также возможность изменения состояния с помощью медикаментов радикально меняет личность, временно или навсегда отменяя экзистенциалистский принцип «не-алиби» в бытии, т. е. ответственности человека за свое существование. Человек «уходящий» отдает часть своей ответственности гаджетам или таблеткам. В то же время побочные эффекты новых практик не заставляют себя ждать. Виртуальный способ размыкания и сопутствующие ему практики несут на себе образ «ризомы», фрагментарности, поверхностности, поскольку многообразие социального вынуждает человека знакомиться и иметь дело понемногу с разными его формами. Воспитание и образование подчеркивают, изначально прививают осознание необходимости постоянного освоения новых технологий, переквалификации и даже «непрерывного образования» в течение всей жизни. Этот путь подается как единственно возможный для человека, желающего оставаться востребованным обществом. Таким образом, нагнетается напряжение погони за неведомым и необходимости успеть сделать неизвестное, что приводит к усилению невроза и психосоматического напряжения, вызывает к жизни такие феномены «ухода», как субкультура «ни-ни», в английском варианте NEET (Not in Employment, Education, or Training), объединяющая молодежь, не имеющую желания ни учиться, ни работать (Жвиташвили, 2016).

ГИБРИДНЫЕ (ПРИМЫКАЮЩИЕ) ПРАКТИКИ СЕБЯ

На помощь приходят традиционализм, психология и эзотерика, которые привлекают методы духовных практик, а также всяческая популяризация йоги, тренинги на основе даосских практик и прочие широко представленные средства на «рынке просветления». Нельзя утверждать, что это неэффективный способ помощи, однако можно определенно отметить его характер — это разностильность, пестрость, синкретизм, отсутствие единого основания. И действительно, средство лечения соответствует болезни. И то, и другое качественно многообразно, примыкает к различным сферам жизни, которые когда-либо были доминирующими для определенного сообщества, в том числе — к духовным практикам. Так, явление «ни-ни» породило по видимости противоположное себе — монастыринг как молодежное увлечение практикой «трудничества» в монастырях (Поначевная, 2025: Электронный ресурс), которое характерно именно для наименее социализированной, маргинальной молодежи (Пинчук, Тихомиров, Вахненко, 2024: 22), «живущей» в виртуале. Как и другие виды духовного туризма, монастыринг есть вариант внесения духовной практики в жизнь человека, который несет все тот же характер эклектики, виртуальности, фрагментарности.

Религиозная традиция как путь преодоления онтологической недостаточности человека как недоопределенности его бытия до целостности содержит практики, способы преодоления человеком себя. Классическая форма духовных практик, сформированная религиями традиционной эпохи, впоследствии дала начало иным формам, которые появились вследствие применения духовных практик не эзотерическим сообществом, а людскими массами, и эту форму С. С. Хоружий называет *примыкающими практиками* (Хоружий, 2010: 65). В настоящее время разнообразие способов примыкания к духовной практике возрастает. Появилась возможность слушать богослужение онлайн, заказывать в интернете службу о здравии и даже ставить свечу, т. е. симулировать контакт с духовной и социальной сферами, виртуализировать его. Даже понятие религиозной организации теряет прежнюю четкость, так как возникают сообщества «служения онлайн», существующие исключительно в виртуале¹, и это впоследствии может создать проблему необходимости государственной регистрации религиозных организаций, которая сейчас для виртуальных религиозных групп не требуется².

Для анализа современного человека в многообразии практик мы используем методологию синергийной антропологии С. С. Хоружего, который описывает три ареала Антропологической границы, три способа размыкания человека и соответственно три топика, или три типа конституции человеческого бытия: онтологический, онтический и виртуальный. Антропологические стратегии, в которых человек осуществляет целенаправленную трансформацию себя самого, С. С. Хоружий вслед за М. Фуко относит к практикам себя (Хоружий, 2010: 217). Сегодня примыкающие практики необязательно принадлежат только области религии. Постструктурализм описывает онтическую сферу в ее многообразии практик. Ж. Делез пишет: «Нам следует кратчайшим путем познать самих себя: быть немножко алкоголиком, немножко сумасшедшим, немножко самоубийцей, немножко партизаном-террористом» (Делез, 1995: 190). В терминах синергийной антропологии такая стратегия есть в точности развитие примыкающих практик. Так через посредство феномена примыкания предельные практики приобретают, наряду с антропологической, культурную и социальную значимость. Парадигма антропологического

размыкания, по мнению С. С. Хоружего, раскрывает универсальность человека, который, как бытие, принципиально открытое, находит свое выражение в трех топиках: онтологической, онтической и виртуальной. (Хоружий, 2005).

Примыкающие практики характерны для современной глобальной реальности больше, чем для прежних эпох, их разнообразие и смешение возрастают по понятным причинам, вследствие многообразия и фрагментарности опыта современного человека. Информация и опытное знание о культурных, религиозных и социальных практиках, которые человек получает в контакте с глобальной реальностью, велики. Однако классический подход к духовным практикам требует полного погружения человека в них, тогда как современный человек, испытывающий соблазн разнообразия, только пробует одну из практик, для того чтобы перейти к следующей либо фрагментом встроить ее в свою жизнь, которая уже заполнена. Человека интересуют не заочные рассказы о высших достижениях святых, которые часто кажутся ему одинаковыми, учитывая условность литературной традиции Средневековья и религиозные практики, которым трудно следовать в современных условиях городской жизни, а то, что можно выполнять в повседневности (Парибок, 2013 ab: Электронный ресурс).

Мотивом занятия примыкающими практиками, как и в древности, остается потребность человека преодолеть недостаточность в многообразии ее проявлений. В основе может быть как религиозный интерес, так и просто желание психологической разгрузки. Конституция Человека Примыкающего стала стратегией ответа на вызовы реальности сегодня. Термином М. Фуко «практики себя» мы описываем духовные и примыкающие практики как их виды, притом последние, являются гибридным феноменом, образованным от смешения духовной практики в виде применения ее выборочных психотехник и социальной практики. Если в VI в. до н. э. брамины уходили в леса, чтобы искать путь спасения через философию и йогу, то сегодня человек «уходит» в виртуальность, в традиционализм или в дауншифтинг.

Ярким феноменом стратегии примыкающих практик являются «фрики» (от англ. freak — урод) индийского штата Гоа, получившие такое название в середине XX в. за экстравагантный внешний вид и образ жизни, которыми они противопоставляли себя «обычным» людям. Фрики считали, что от общества, и особенно от государства, исходит не защита, а насилие. Стиль жизни фрика — свободное и безосновное сочетание практик в поисках себя, деконструкция без перспективы и торжество различия над тождеством, — их культура иллюстрирует идею ризомы Ж. Делеза о примате различия в человеке и в социальном. Американский антрополог К. Одзер в книге «Фрики Гоа: Мои годы хиппи в Индии» (Odzer, 1995) описывает свой опыт переживания свободы, которая достигалась в основном не за счет психотехник, а в результате регулярного употребления психотропных веществ и применения «свободной любви» (Интервью с Клео Одзер, 2000: Электронный ресурс). К. Одзер воспевала этот опасный путь и ярко описала его, дав картину того, в какой эйфории начинался европейский Гоа, когда европейцы только начали использовать этот штат для увеселительных целей и длительного проживания. Но важно также заметить, что она умерла от СПИДа. Фрики — многогранное явление тренда ухода, которое обозначило антропологический кризис и деконструкцию социального субъекта.

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ КАК ГИБРИДНАЯ ПРАКТИКА СЕБЯ

Современная культура характеризуется отказом от институционализированных религий и поиском индивидуальных путей духовного развития. В самих по себе примыкающих практиках нет ничего деструктивного, однако в последнее время они стали орудием манипуляции традиционалистов, «забрасывающих» идею подлинной традиции и осуществляющих подмену онтологической топики онтическим (социальным) содержимым. Традиционализм избирателен в отношении культурных форм прошлого, которые он изображает как особо ценные и неотъемлемые от национальной идентичности. При этом ценностью являются именно формы, а не содержание, которое вследствие исторического развития перестает быть актуальным (например, народная религиозность, крестьянский быт или праздники, народная культура, связанная с сельскохозяйственными процессами). Таким способом отжившие структуры прошлого искусственно накладываются на современный не конгруэнтный им культурный контекст, что является виртуализацией традиции, ее выхолащиванием и обращением в симулякр — структуру знаков, демонстрирующих сами себя. В современном обществе в результате потери определенности и укорененности, снятия необходимости соотношения человека с отдельно взятым культурным и национальным топосом чувство нехватки усиливается и реализуется в виде различных практик виртуального ухода, редукции себя. Ответом на усиление нехватки становятся два постсекулярных вектора виртуализации — прямой уход в виртуальность и традиционализм, импульсом которого является возвращение «домой» (Горелова, 2025: 59), к социальному в такой его утерянной форме, которая ассоциируется с укорененностью, основательностью, а именно к религиозной традиции в ее национальном проявлении (Макаров, Пигалев, 2002: 183). Традиционализм как феномен современного мира представлен в ряде научных исследований (Быстров, 2001; Дугин, 2002; Макаров, 2001; Хоружий, 2015; Элиаде, 2000; Sedgwick, 2004 и др.), с учетом которых мы рассматриваем интересующую нас тенденцию традиционалистов объединять национальное и религиозное (духовное).

Православие-центризм является мейнстримом в сегодняшнем российском традиционализме. На учебных и даже научных мероприятиях часто по умолчанию происходит отождествление православного с духовным, и христианство принимается в качестве культурного основания российской культуры как само собой разумеющееся, при этом происходит отсылка к дореволюционному периоду России (Крапчунов, 2022) и совершенно не учитывается современная ситуация, когда в стране общее количество людей, называющих себя православными и при этом интегрированных в христианские приходы, в церковь, составляет менее 10%. Опросы ВЦИОМ показывают, что доля россиян, которые регулярно, минимум раз в месяц, посещают церковь (мечеть, синагогу), в 2023 г. составляло 13% опрошенных. Соответственно, количество православных среди них измеряется еще меньшим процентом. Растет число неверующих среди молодежи, 29% из них — активные пользователи интернета (Религия и общество: мониторинг, 2023: Электронный ресурс). Таким образом, люди, практикующие так называемые традиционные религии, оказываются в меньшинстве, что не коррелирует с идеей православия как основы российской культуры. И действительно, характерной особенностью традиционализма является необъективность его картины мира, оторванность от реальности, игнорирование совокупности исторических фактов в угоду идее. Явление, находящееся «на обочине» истории и жизни, представляется как ее главный и перспективный тренд.

Традиционализм следует отличать от *следования традиции*, что является «естественной» практикой сохранения культурной памяти в ее исторической преемственности, что несовместимо с игнорированием совокупности исторических фактов, с удалением из дискурса целых периодов истории страны или их «демонизации» в пользу избранного «образцового» периода. Феноменом следования традиции является празднование Дня Победы в России, а примерами традиционализма — канонизация Николая II в 2000 г., документальный фильм «Верные» (2024 г.), а также любые формы уничтожения образа советского человека, его примитивизация, сведение к безликому социальному функционеру, клиширование советской цивилизации под «тоталитарное общество» в целях возвеличивания дореволюционной эпохи, абсолютизации ценности народных обычаев или монархической формы правления. К примеру, циничная и необъективная оценка практик сохранения памяти героев и их жертвы во имя страны в советскую эпоху имеет место в работах А. М. Лютынского (Лютынский, 2025: Электронный ресурс).

Максимально комбинированной формой деструкции прошлого является реализация установки насмешливого отношения к советской культуре и ее достижениям с помощью понятийного аппарата американского политолога Х. Линца, который выделяет пять видов политических режимов: демократический, авторитарный, тоталитарный, посттоталитарный и султанистский (Линц, 2018), имплицитно постулируя западную демократию как априори наилучший и единственно гуманный вариант социального устройства. Упрощенно-негативная оценка советского периода может даже сочетаться с русско-ориентированным православие-центризмом, например, как в текстах и выступлениях Д. Е. Крапчунова (Крапчунов, 2023: Электронный ресурс). При этом используется тот намеренно урезанный, ущербный образ советского человека, который, как показал в своих работах социолог С. Г. Кара-Мурза, был идеологическим конструктом западного происхождения (Кара-Мурза, 2002). Современные разновидности «низкопоклонства перед буржуазной культурой Запада»³ максимально представлены как в научной, так и в медиасреде и выполняют роль актуального метода разрушения естественной преемственности живой традиции. К этому же уровню явлений относится насмешливое обесценивание морального облика советского человека на основании того, что советское общество было в основном безрелигиозным, — вывод, некорректный не только с точки зрения светской, но и христианской этики, где вера в Бога не является обязательной составляющей нравственности, так как неверующий тоже может быть нравственным человеком и будет судим по совести. Формы традиционализма, которые вычеркивают советский период, особенно пагубны для формирования мировоззрения молодого поколения, которое в таком случае должно адаптироваться к расколу между «достойным» досоветским периодом и современным миром, совершенно никак с тем периодом не связанным. Несмотря на старания традиционалистов, проводящих этнофорумы, «просветительские» лекции о народно-религиозных обычаях и реконструкции дореволюционных праздников, преодолеть этот разрыв невозможно. Прошлое актуализируется только в виде маскарада, театральной постановки фантазий о традиции, пародии на ушедшую эпоху. «Ампутация» такого значительного и близлежащего периода истории есть реализация «смерти субъекта», резекции человеком себя, ухода, антропологической эвтаназии, к которой Постчеловек приблизился вплотную.

Традиционализм как симптом антропологической редукции — это не сохранение культурного содержания, наполнения, которое может быть и новым, и преж-

ним, — это форма, выраженная в идеологии о том, что наилучшим является то, что было в прошлом, и этот постулат выступает в качестве веры. Как свидетельствует история Вьетнама (Гилл, Крапчунов, 2024), культурная память, составляющая национальную идентичность, необязательно основана на фактах или на последовательно передаваемом содержании культуры из поколения к поколению, — она воспринимает новое, а также базируется на вымышленных, а не действительных событиях. В связи с этим попытки традиционалистов вернуть «истинную» традицию, например основанную на «исконных» верованиях или народных обрядах, является изобретением традиции (Хобсбаум, 2000) в соответствии с субъективными убеждениями автора-традиционалиста и его личной историей. В такой идеологии традиция, будучи социальным механизмом передачи ценностей, сама становится ценностью, и таким образом совершается легитимация истинности избранного содержания из прошлого, на которое следует ориентироваться.

Пропаганда «традиционных ценностей», «духовного единения» и «религиозного возрождения», обращения к «национальной идентичности» и «культурному наследию» подразумевает под всем этим нечто древнее и традиционное, тогда как концепция культурного наследия — это современный западный конструкт, образованный для последовательного достижения целей предотвращения межкультурных конфликтов после Второй мировой войны и сохранения этнического многообразия в условиях глобализации. При этом, как было показано ранее на примере Вьетнама (Гилл, Крапчунов, 2024), в состав «культурного наследия» могут включаться феномены культуры, не обладающие ни достоверной исторической подлинностью, ни древностью. В 2012 г. Вьетнам в представленном ЮНЕСКО докладе заявил культ королей Хунгов как существовавший у вьетов с глубокой древности (Kelly Liam, 2012). Королей Хунгов связывают с периодом истории вьетов, предшествующим китайским завоеваниям, несмотря на то что современная историческая наука не имеет оснований считать королей реальными персонажами, так как источниками, повествующими о них, являются только легенды XIV–XV вв., и, скорее всего, короли Хунги являются изобретением Средневековья, сделанном в воспитательно-нравственных целях (Антощенко, 2002; Григорьева, 2014). Таким образом, культурное наследие не связано ни с традицией, ни с древностью. Пользуясь неопределенностью этого понятия, традиционализм с готовностью заполняет его гремучей смесью из духовных практик, народных обычаев и национальной истории, создавая эклектический культурный феномен не с целью изменения бытия человека, но для воздействия на общественное сознание.

Понятие идентичности было актуализировано психологией в XX в., но сегодня оно зачастую изображается как универсальный общечеловеческий механизм самопонимания. Религиозные, национальные и культурные «идентичности» являются популярной темой современной социальной науки. Их «поиск» идеально отвечает манипулятивным целям традиционалистов и националистов, которые продвигают различные готовые «наборы» содержания национальной идентичности в современном варианте, чаще всего опираясь на религию. Множество лекций и книг посвящено русской, народной и христианской идентичности. Эта тема уже несколько десятилетий является источником дохода и влияния. Например, традиционализм христианской самоидентификации поддерживает идею русско-православной идентичности с помощью возврата к социальным структурам, таким как «православие — самодержавие — народность», чему послужила канонизация Николая II в 2000 г., произведенная несмотря на его политическую бездеятельность,

ответственность за проигранные Русско-японскую (1904–1905) и Первую мировую (1914–1917) войны и за события Кровавого воскресенья. Отчаянное положение российского народа 1990-е гг., обнищание масс, социальное расслоение, рост преступности и падение авторитета страны в мировом сообществе были прикрыты демократией и правами человека и оправданы «религиозным возрождением» и абсолютной ценностью возобновления религиозной практики.

Основой религии действительно является духовная практика, и ее цель — радикальное изменение бытия человека, преодоление его базовых характеристик, таких как ограничение во времени и пространстве, разделение восприятия на себя и Иное, и в пределе — конечности и смертности. Но такое желание не может быть задачей государственного и национального воспитания, не может быть в основе идеологии. Духовные практики как ядро религии существуют для того, чтобы вывести человека за границы идентичности, и они всегда наднациональны. Если идеология опирается на идею возрождения какой-либо религии, это не имеет никакого отношения к сущности религии как духовного пути.

ПРИМЫКАЮЩИЕ ПРАКТИКИ В ПЕРСПЕКТИВЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕДОСТАТОЧНОСТИ

Примыкающие практики, взятые в их широком многообразии, также не могут достичь такой цели, но они способны сделать человека более целостным, изменить его самоощущение и картину мира: «Перемены в картине мира обязательно произойдут, если усердно заниматься определенными психотехниками. Современная философия рассчитывает себя как мировоззрение весьма умного человека, который, однако, живет как обычный обыватель. Тот же, кто занимается психотехниками, перестает быть обывателем, у него должно быть другое представление об онтологии» (Парибок, 2013а: Электронный ресурс). Состояние «нормального» человека есть расколотость, или, в нашей терминологии, недостаточность, в которой каждая сфера жизни человека принципиально не соединена с другими. Например, человек может быть успешным профессионалом, однако при этом находиться в тяжелейшем психическом, близком к суициду состоянии либо не иметь удовлетворения в семейной жизни. У суфийского шейха Абд аль-Кадира аль-Джилани в его проповедях и в книге «Футух аль-Гайб» («Откровения Непостижимого») присутствует мысль о том, что, в отличие от обычного тварного существа, которое внешне может быть одно, а внутренне — другое, слуга Аллаха *един*, и между частями его бытия присутствует согласованность. Речь идет не только о несоответствии между внешней праведностью и внутренними нечистыми помыслами, именуемом лицемерием, но об отсутствии у слуги Аллаха таких форм нормативного человеческого самовыражения, как, например, социальная маска, идентичность, а также любых видов самотождественности: «Вы должны относиться ко всему вашему существу и всем его частям как к идолам, вместе с остальным созданием, и не должны ни повиноваться каждому из них по отдельности, ни следовать за ними в целом» (Джилани, 2008: Электронный ресурс). Духовные практики, даже взятые в размерности примыкающих, через изменение мироощущения производят целение, или коррекцию, бытия человека, и человека целостного уже нельзя назвать обывателем.

Важнейшее ограничение человеческого существования, которое духовные практики, например тантра, рассматривают как преодолимое, — это фиксация са-

мотождественности (Парибок, 2019: Электронный ресурс). В нормальном социально адекватном состоянии человек отождествляет себя с некими достоинствами и недостатками, со своей личной историей, ценностями, тем самым самоутверждаясь в представлении о себе как именно этом и никаком другом человеке. И, таким образом, ему не в полной мере понятно устройство внутреннего мира других людей, значительно разнообразных и не исчерпывающихся заботой, бытием к смерти, свободой, и прочими общими экзистенциалистскими характеристиками. Трансцендирование самоопределяющих характеристик, например в философии тантры, приводит к достижению равного отношения человека к себе и другим. Даже не будучи адептом духовных практик, а лишь примыкая к ним, человек способен ощутить равнозначность, толерантность по отношению к другим, — эффект, которого так и не добилась современная цивилизация, одержимая усилением различий и приданием им значимости.

Большая эффективность трансцендирования человеком себя в психотехниках духовных практик по сравнению с практиками социальными, т. е. онтическими, обеспечивается многоканальностью задействованных форм восприятия. К примеру, в индийской духовной традиции есть теория трех основных каналов восприятия: зрительного, слухового и кинестетического. Ведический ритуал при этом требует контроля над всеми тремя и при этом сосредоточения ума. Также чтение Иисусовой молитвы в исихазме предполагает определенное положение тела, фиксацию взгляда и пребывание в тишине. В социальной практике подобной строгости не требуется и всегда остается канал, в котором человек продолжает быть свободным и остается собой. Если же привлечены все направления человеческой активности и требуется регулировать себя во всем существенном, то не остается достаточно «оперативной памяти», чтобы практиковать себя в соответствии со своими обыденными представлениями, и следовательно, в этот период человек, не будучи собой прежним, имеет возможность открыть новые горизонты своего развития, т. е. трансцендировать себя (там же).

Примыкающие практики могут быть основой создания новой антропологической формации человека, способного сохранять целостность и психологическое равновесие в условиях постиндустриального общества и глобализации и при этом духовно развиваться, т. е. пребывать в последовательном осознании области онтологического размыкания, а не только онтического бытия в его увеличивающемся многообразии на фоне того, что субъект уже умер. По сути, прогрессивный тезис М. Фуко о «смерти субъекта» (Фуко, 1977) был развит философией постструктурализма в исключительно негативном ключе: не в сторону «заботы о себе» (Фуко, 2007), которая, казалось бы, теперь открыта человеку, а в сторону полной дезориентации, потери не только центра, но и телоса возможного пути самоизменения, диффузии человеческого и «смерти человека» (Фуко, 1977). Как пишет Б. В. Марков, «устранение субстанциальных и атрибутивных, функциональных и структурных характеристик привело к неопределенности «человеческого», и оно стало постепенно претерпевать все усиливающуюся инфляцию» (Марков, 2009: 471). Философия XX–XXI вв. в своих ведущих линиях не смогла воспользоваться открытием М. Фуко, либо оставаясь на позициях субъективной самодостаточности человека (экзистенциалистская, аналитическая философия), что, в сущности, повторяет установку Р. Декарта, либо вообще отрицая самосозидание, телос и органон практик, ему сопутствующий, и погружаясь в ризоматическую условную реальность,

подобную буддийскому потоку дхарм, но без перспективы их гармонизации или успокоения (Делез, 1998; Деррида, 2000; Лакан, 1997).

Смерть субъекта, или в сегодняшней версии, тренд ухода, означает сокращение количества антропологически конструктивных практик. Если человек — это сущее, трояко размыкающее себя, компенсирующее недостаточность в трех топиках бытия — онтологической, онтической и виртуальной, и через практики размыкания к ним себя конституирующее, то для современного человека риск состоит в потере контакта с онтологической и в значительной мере с социальной топиками. Это происходит в силу индивидуализации жизни в современном мире, где человек, размыкаясь к самому себе, создает виртуальную топiku, которая не может его достроить в силу того, что ее бытие не собственное, а заимствованное, являющееся редуцированной копией социального пространства. Таким образом, сужение границы размыкания является причиной неэффективности примыкающих практик. У современного человека отсутствует навык менять состояние, тогда как в традиционном и индустриальном периодах моделирование состояния сознания производила сама жизнь, социальная необходимость. Сегодня человек «уходящий» редуцирует практику необходимости (притом не по своей воле, а в силу объективного характера редукции) и остается лишь примыкание к разным формам поиска себя, из которых конституирующей является духовная практика, но она не имеет и не может иметь массового и универсального применения.

С учетом перспективы современных особенностей конституции человека становится возможным дать другую оценку концепциям Ж. Делеза и М. Фуко и наметить стратегии, противоречащие основной тональности философии Ж. Делеза о том, что симулякр — это нормально, и так и должно, человек сотрется, как следы на песке. Задача духовных практик различных религиозных традиций — приблизиться к духовной реальности, восприятие которой у человека искажено. Использование духовных традиций в примыкающих практиках не должно быть основано на попытке восстановления определенного вида исторического воплощения данной традиции. Негативные последствия подобных реставраций мы описали ранее (Гилл, Крапчунов, 2024а; Гилл, Крапчунов, 2024b). Как справедливо замечает А. В. Парибок, когда современный человек употребляет терминологию духовных традиций, не может быть такого, чтобы в его понимание не вторглась современная интерпретация этих понятий (Парибок, 2013b: Электронный ресурс). И в этом смысле возврат к первоначальному пониманию невозможен и способен только создавать социальные мифы о традиции.

Глобальные проблемы показывают неактуальность онтологической, гносеологической и экзистенциальной парадигм философского мышления в решении проблемы недостаточности. Духовные практики в их традиционном виде также теряют силу онтологического размыкания для современного человека, поскольку возврат к смыслообразующей значимости и влиятельности эзотерических сообществ как носителей практики, а также центрированность общества вокруг носителей знания, например касты брахманов в Древней Индии, или вокруг монастырей в Европе, невозможен в информационном обществе, которому свойственна множественность, динамичность и культурное разнообразие. Мультикультурализм также не решил эту проблему, так как предлагал лишь механическое соединение культур на основе западной ценности прав человека, тогда как основу различия культур составляет не их социальное бытие, а особенности мышления.

А. Эйнштейн отмечал, что «нормальные» ощущения и привычные модели мышления, сформированные в результате эволюции, не могут послужить эмпирической базой для понимания открытий современной физики, таких как квантовая механика или теория относительности, и включить последние в картину мира (Эйнштейн, 1965). А. Эйнштейн поясняет, что современная физика изменила представления о пространстве, времени и энергии, и новое понимание противоположно тому, которое существует на уровне здравого смысла (Эйнштейн, 2016). При этом если обыденное сознание всегда значительно отстает от научных открытий, то в современную эпоху информационного общества это отставание становится глобальным. Даже теории, открывшие в начале XX в. относительность пространства и времени, никак не осознаются сегодня человеком, непричастным к сфере физики, и не влияют на его мировоззрение, тогда как глобальные проблемы могут быть решены только радикальным изменением картины мира. Процесс поиска новой парадигмы был начат движением New Age, которое оказало значительное влияние на создание альтернативной духовности и способствовало распространению практик, таких как йога, даосские и буддийские психотехники, которые стали известны в современном мире. Также теория относительности А. Эйнштейна, подчеркивавшая связь всех объектов во Вселенной, и его мнение относительно того, что развитая религия основана на космическом религиозном чувстве (там же: 58), оказали косвенное влияние на движение New Age, которое стремилось объединить науку и духовность и найти связь всего сущего. Влияние New Age уменьшилось из-за отсутствия четкой структуры, коммерциализации, поверхностного подхода к духовным традициям и неспособности предложить реальные решения глобальных проблем. Тем не менее концепции и обычаи, популяризированные этим движением, оставили след в культуре и до сих пор существуют в разных формах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стратегия примыкающих практик дает материал для осмысления синкретического опыта прошедшей эпохи, показывает, что ценно не сохранение культурных различий, а открытость к трансформации представления о том, что значит быть человеком, создает фундамент для применения психотехник как уже известных духовных традиций, таких, как йога, даосизм, дзэн-буддизм, випассана, и др., так и еще мало изученных, но имеющих большой потенциал в применении к новой антропологической реальности, среди которых следует особо отметить практики толтеков, философски осмысленные К. Кастанедой, а также Т. Марезом, М. Руисом и Н. Классеном.

Если естественное изменение традиции воспринимать как объективную неизбежность, с помощью примыкающих практик может быть использован потенциал духовных психотехник как искусства управления своими душевными состояниями, что выведет человека на уровень преодоления ограничений культурных различий, связанных с особенностями цивилизаций и свойственных им типов мышления, коррелятивного, понятийного, художественного, а также исторически обусловленного. Духовные психотехники в размерности примыкающих практик не позволят человеку преодолеть ограничение времени и пространства, находиться одновременно в нескольких местах в пространстве и времени или в нескольких мирах, как это считается возможным для продвинутых йогов. Но они способны ускорить процесс адаптации обыденного сознания к новым научным открытиям, что

может способствовать появлению новой парадигмы философского мышления на фоне кризиса антропологической парадигмы и постсекулярного общества. Если постструктурализм констатировал уход человека, то примыкающие практики могут стать путем переосмысления таких классических понятий, как ответственность, личность, свобода, и адаптации человека к его новой ситуации поиска себя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Апостольско-пророческий центр, который входит в Российский объединенный Союз христиан веры евангельской (РОСХВЕ), но представляет себя как самостоятельное интернет-движение. URL: <https://rutube.ru/channel/24220358/videos/page-2/?ysclid=m9i6fukr8p84165721> (дата обращения: 16.05.2025).

² Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Ст. 7. Религиозная группа. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/dc4d48f1b407b82398b0b6ce6585f2c94a1a04ed/ (дата обращения: 16.05.2025).

³ Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» 14 августа 1946 г. // Правда. 1946. 21 августа. Выверено по изданию: Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. А. Н. Яковлева ; сост. А. Н. Артизов, О. В. Наумов. М. : Международный фонд «Демократия», 1999. С. 588. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/journal.htm> (дата обращения: 16.05.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антощенко, В. И. (2002) Мифологические персонажи в государственном пантеоне духов во Вьетнаме // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. №4. С. 108–131.

Быстров, В. Ю. (2001) Человек в мире традиций : монография. Великий Новгород : НовГУ. 159 с.

Гилл, Е. В., Крапчунов, Д. Е. (2024) Традиция во Вьетнаме: реальность или симулякр? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. №2 (58). С. 241–250.

Горелова, Т. А. (2025) Ностальгия как всеобъемлющая тоска одномерного человека // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 57–69.

Григорьева, Н. В. (2014) Короли Хунги и «изобретение традиций» в истории Вьетнама // Вьетнамские исследования. Т. 1. №4. С. 227–249.

Делез, Ж. (1995) Логика смысла. М. : Академия. 298 с.

Делез, Ж. (1998) Различие и повторение. СПб. : ТОО ТК «Петрополис». 384 с.

Деррида, Ж. (2000) Письмо и различие. М. : Академический Проект, 2000. 495 с.

Джилани, Аль-, Абд аль-Кадир. (2008) Раскрытие сокровенного: Собрание семидесяти восьми проповедей. М. : ИД «Ансар». 196 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://infopedia.su/12xd700.html> (дата обращения: 16.05.2025).

Дугин, А. Г. (2002) Философия Традиционализма. Серия: Новый Университет. М. : Арктогея-Центр. 624 с.

Жвитишвили, А. Ш. (2016) Новые социальные группы на Западе: общее и особенное // Власть. №1. С. 118–124.

Интервью с Клео Одзер (2000) [Электронный ресурс]. URL: <https://goatrip.ru/intervju-s-kleo-odzer.html?ysclid=m20b2tu9nd510282152> (дата обращения: 16.05.2025).

Кара-Мурза, С. Г. (2002) Антисоветский проект. М. : Алгоритм. 283 с.

Крапчунов, Д. Е. (2022) Практики конструирования этнокультурной идентичности русского народа: от возникновения русской традиции и государственности к современным фальсификациям // Ортодоксия. №3. С. 175–199.

Крапчунов, Д. Е. (2023) Русская культура. История подмены. [Электронный ресурс]. URL: <https://rutube.ru/video/0e8fefa44cdd000d939d1f0964246a8b/> (дата обращения: 16.05.2025).

Лакан, Ж. (1997) Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. М. : Русское феноменологическое общество / Логос. 183 с.

Линц, Х. (2018) Тоталитарные и авторитарные режимы // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. №4 (120). С. 16–62.

Лютынский, А. М. Вечная жизнь и вечная память, но не для всех? К изучению отношения к смерти в раннесоветской России (1919–1924 гг.): по материалам Вологодской и Череповецкой губерний. Доклад на VII международной научной конференции имени С. Я. Лауриккалы «Жизнь и смерть в религиозных культурах». 8 мая 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: https://elci.ru/wp-content/uploads/2025/04/Programma_Laurikkalovskie-chteniya-2025.pdf (дата обращения: 16.05.2025).

Макаров, А. И., Пигалев, А. И. (2002) Традиционализм // История философии. Энциклопедия. Минск : Интерпрессервис Книжный дом. С. 183.

Макаров, А. И. (2001) Традиция против истории в философии современного европейского традиционализма // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М. Вып. 6. С. 275–283.

Марков, Б. В. (2009) Философская антропология XX столетия // История мировой философии / под ред. А. С. Колесникова. СПб. : Питер. 656 с.

Парибок, А. В. (2013а) Дистанционный курс по индийским традиционным психотехникам [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/94895410934204637> (дата обращения: 16.05.2025).

Парибок, А. В. (2013b) Психотехнические методы [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/video/preview/1331280094471002393> (дата обращения: 16.05.2025).

Парибок, А. В. (2019) Духовные методы индийской йоги (курс по тантре). Лекция №1. 12 октября 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://rutube.ru/video/450c3e7eac0fac99994bd558b14ab0ed/> (дата обращения: 16.05.2025).

Пинчук, А. Н., Тихомирова, Д. А., Вахненко, Е. В. (2024) Культурная маргинальность: в поисках новых интерпретаций и методологии исследования // Знание. Понимание. Умение. №4. С. 17–26.

Поначевная, Т. Б. (2025) Монастыринг как новый тренд [Электронный ресурс]. URL: https://b17.ru/article/_monastyring_kak_novyy_trend/?ysclid=m9f8lycqr391234713 (дата обращения: 16.05.2025).

Религия и общество: мониторинг (2023) [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religija-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 16.05.2025).

Смирнов, С. А. (2023) Человек и Цифра, или Соблазн не быть. Антропологическая альтернатива. Новосибирск : ООО «Офсет-ТМ». 384 с.

Фуко, М. (1977) Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М. : Прогресс. 488 с.

Фуко, М. (2007) Герменевтика субъекта. СПб. : Наука. 676 с.

Хобсбаум, Э. (2000) Изобретение традиций / пер. с англ. С. Панарина // Вестник Евразии. №1. С. 47–62.

Хоружий, С. С. (2015) Проблематика рисков современности: концептуальные основания и ведущие подходы // Фонарь Диогена: человек в многообразии практик. Т. 1. №1. С. 131–157.

Хоружий, С. С. (2010) Практики себя и духовные практики: две парадигмы неклассической антропологии // Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте / отв. ред. С. С. Хоружий. М. : Прогресс-Традиция. С. 217.

Хоружий, С. С. (2008) Проблема постчеловека, или Трансформативная антропология глазами синергийной антропологии // Философские науки. №2. С. 10–31.

Хоружий, С. С. (2005) Человек: сущее, трояко размыкающее себя [Электронный ресурс]. URL: <http://synergia-isa.ru/lib/lib.htm> (дата обращения: 22.08.2025).

Эйнштейн, А. (1965) Физика и реальность : сб. ст. М. : Наука. 360 с.

Эйнштейн, А. (2016) Мир, каким я его вижу. М. : АСТ. 200 с.

Элиаде, М. (2000) Тракта́т по исто́рии религи́й. В 2 т. / пер. с фр. А. А. Васильева. СПб. : Алете́йя. 394 с.

Kelly Liam, C. (2012) The Biography of the Hông Bàng Clan as a Medieval Vietnamese Invented Tradition. *Journal of Vietnamese Studies*. Vol. 7. Pp. 87–130.

Odzer, C. (1995) *Goa Freaks: My Hippie Years in India*. Foxrock. 335 p.

Sedgwick, M. (2004) *Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century*. New York : Oxford University Press 370 p.

Дата поступления: 23.08.2025 г.

HYBRID PRACTICES OF THE SELF IN THE FIELD OF MODERN ANTHROPOLOGICAL RISKS

E. V. GILL

YAROSLAV-THE-WISE NOVGOROD STATE UNIVERSITY

The article analyses adjacent practices (concept of S. S. Khoruzhiy) as a type of practices of the self (concept of M. Foucault). Adjacent, or hybrid, practices represent an eclectic or systematic combination of social practices with spiritual ones, as an anthropological phenomenon of global reality. In the context of ontological incompleteness as a basic anthropological characteristic, using the methodology of Khoruzhiy's synergetic anthropology, the article describes three main levels of being: ontological, ontic and virtual, — where man is compensating ontological incompleteness by self-opening to them. The purpose of the study is to determine the role and prospects of adjacent practices as a means to overcome ontological incompleteness in the context of anthropological risks. The article denotes the main type of modern practices for overcoming incompleteness to be hybrid (adjacent) practices, which combine elements of spiritual and social practices, which, as the author shows, are opposite to traditionalism.

Keywords: adjacent (hybrid) practices; spiritual tradition; practices of the self; ontological incompleteness; traditionalism; synergetic anthropology; anthropological risks

REFERENCES

Kelly Liam, C. (2012) The Biography of the Hông Bàng Clan as a Medieval Vietnamese Invented Tradition. *Journal of Vietnamese Studies*, vol. 7, pp. 87–130.

Odzer, C. (1995) *Goa Freaks: My Hippie Years in India*. Foxrock. 335 p.

Sedgwick, M. (2004) *Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century*. New York: Oxford University Press. 370 p.

Antoshchenko, V. I. (2002) Mifologicheskie personazhi v gosudarstvennom panteone dukhov vo V'etname. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie*, no. 4, pp. 108–131. (In Russ.).

Bistrov, V. Yu. (2001) *Chelovek v mire traditsiy: monograph*. Veliky Novgorod: Novgorod State University Publ. 159 p. (In Russ.).

Gill, E. V., Krapchunov, D. E. (2024) Traditsiya vo V'etname: real'nost' ili simuliakr? *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, no. 2 (58), pp. 241–250. (In Russ.).

Gorelova, T. A. (2025) Nostal'giya kak vseob'emlyushchaya toska odnomernogo cheloveka. *Znanie. Poniwanie. Umenie*, no. 1, pp. 57–69. (In Russ.).

Grigor'eva, N. V. (2014) Koroli Khungi i «izobretenie traditsij» v istorii V'etnama. *V'etnamskie issledovaniya*, vol. 1, no. 4, pp. 227–249. (In Russ.).

Deleuze, G. (1995) *The Logic of Sense*. Moscow: Akademiia Publ., 298 p. (In Russ.).

Deleuze, G. (1998) *Difference and Repetition*. St. Petersburg: Petropolis Publ. 384 s. (In Russ.).

Derrida, J. (2000) *Writing and Difference*. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ. 495 p. (In Russ.).

Dzhilani, Al'-, Abd al'-Kadir (2008) *Raskrytie sokrytogo: Sobranie semidesiati vos'mi propovedei* [online]. Moscow: Izdatel'skii dom «Ansar» Publ. 196 p. Available at: URL: <https://infopedia.su/12xd700.html> (accessed: 16.05.2025). (In Russ.).

- Dugin, A. G. (2002) *Filosofiiia Traditsionalizma*. Serii: Novyi Universitet. Moscow: Arktogetia-Tsentr Publ. 624 p. (In Russ.).
- Zhvitiashvili, A. Sh. (2016) Novye sotsial'nye gruppy na Zapade: obshchee i osobennoe. *Vlast'*, no. 1, pp. 118–124. (In Russ.).
- Interview s Kleo Odzer (2000) [online]. Available at: URL: <https://goatrip.ru/intervju-s-kleo-odzer.html?ysclid=m20b2tu9nd510282152> (accessed: 16.05.2025). (In Russ.).
- Kara-Murza, S. G. (2002) *Antisovetskii proekt*. Moscow: Algoritm Publ. 283 p. (In Russ.).
- Krapchunov, D. E. (2022) Praktiki konstruirovaniia etnokul'turnoi identichnosti russkogo naroda: ot vozniknoveniia russkoi traditsii i gosudarstvennosti k sovremennym fal'sifikatsiiam. *Ortodoksiia*, no. 3, pp. 175–199. (In Russ.).
- Krapchunov, D. E. (2023) Russkaya kultura. Istoriia podmeni [online]. Available at: URL: <https://rutube.ru/video/0e8fefa44cdd000d939d1f0964246a8b/> (accessed: 16.05.2025). (In Russ.).
- Lacan, J. (1997) *The Instance of the Letter in the Unconscious, or Reason Since Freud*. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo / Logos Publ. 183 p. (In Russ.).
- Linz, J. (2018) Totalitarian and Authoritarian Regimes. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, no. 4 (120), pp. 16–62. (In Russ.).
- Lutynsky, A. M. Vechnaya zhizn' i vechnaya pamyat', no ne dlya vseh? K izucheniyu otnosheniya k smerti v rannesovetskoy Rossii (1919–1924 gg.): po materialam Vologodskoy i Cherepoveckoy gubernij. Doklad na VII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii imeni S. Ya. Laurikkaly "Zhizn' i smert' v religioznykh kul'turakh". 8 maya 2025 g. [online]. Available at: URL: https://elci.ru/wp-content/uploads/2025/04/Programma_Laurikkalovskie-chteniya-2025.pdf (accessed: 16.05.2025). (In Russ.).
- Makarov, A. I., Pigalev, A. I. (2002) Traditsionalizm. *Istoriia filosofii. Entsiklopediia*. Minsk, Interpressservis Knizhnyi dom Publ. 1376 p. (In Russ.).
- Makarov, A. I. (2001) Traditsiia protiv istorii v filosofii sovremennogo evropeiskogo traditsionalizma. *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. Moscow, vol. 6, pp. 275–283. (In Russ.).
- Markov, B. V. (2009) Filosofskaya antropologiya XX stoletiya. *Istoriia mirovoi filosofii*; ed. by A. S. Kolesnikov. St. Petersburg: «Piter» Publ. 656 p. (In Russ.).
- Paribok, A. V. (2013a) Distancionnii kurs po indiiskim tradicionnim psihoteknikam [online]. Available at: URL: <https://yandex.ru/video/preview/94895410934204637> (accessed: 16.05.2025). (In Russ.).
- Paribok, A. V. (2013 b) Psihotekhnicheskie metody [online]. Available at: <https://yandex.ru/video/preview/1331280094471002393> (accessed: 16.05.2025). (In Russ.).
- Paribok, A. V. (2019) *Dubovniie metody indiiskoi iogi (kurs po tantre). Lekciia 1*. 12 Oktjabria 2019 [online]. Available at: URL: <https://rutube.ru/video/450c3e7eac0fac99994bd558b14ab0ed/> (accessed: 16.05.2025). (In Russ.).
- Pinchuk, A. N., Tihomirova, D. A., Vakhnenko, E. V. (2024) Kul'turnaya marginal'nost': v poiskakh novykh interpretatsii i metodologii issledovaniya. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 17–26. (In Russ.).
- Ponachevnaia, T. B. (2025) *Monastyring kak novyi trend* [online]. Available at: URL: https://b17.ru/article/_monastyring_kak_novyy_trend/?ysclid=m9f8lycqr391234713 (accessed: 16.05.2025). (In Russ.).
- Religiia I obshchestvo: monitoring* (2023) [online]. Available at: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiia-i-obshchestvo-monitoring> (accessed: 16.05.2025). (In Russ.).
- Smirnov, S. A. (2023) *Chelovek i Tsifra ili Soblazn ne byt' . Antropologicheskaya al'ternativa*. Novosibirsk: OOO «Ofset-TM» Publ. 384 p. (In Russ.).
- Foucault, M. (1977) *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. Moscow: Progress Publ. 488 p. (In Russ.).
- Foucault, M. (2007) *The Hermeneutics of the Subject*. St. Petersburg: Nauka Publ. 676 p. (In Russ.).

- Hobsbawm, E. (2000) The Invention of Tradition. *Vestnik Evrazii*. no. 1, pp. 47–62. (In Russ.).
- Horujy, S. S. (2015) Problematika riskov sovremennosti: kontseptual'nye osnovaniia i vedushchie podkhody. *Diogenes' Lantern: The Human Being in Diversity of Practice*, vol. 1, no. 1, p. 131–157. (In Russ.).
- Horujy, S. S. (2010) Praktiki sebja i dukhovnye praktiki: dve paradigmy neklassicheskoi antropologii. *Diogenes' lantern. A Synergetic Anthropology Project in the Modern Humanitarian Context*. Moscow: Progress-Traditsiia Publ. 928 p. (In Russ.).
- Horujy, S. S. (2008) Problema postcheloveka, ili Transformativnaya antropologiya glazami sinergijnoj antropologii. *Filosofskie nauki*, no. 2, pp. 10–31.
- Horujy, S. S. (2005) Chelovek: sushchee, troyako razmykayushchee sebja [online]. Available at: URL: <http://synergia-isa.ru/lib/lib.htm> (accessed: 16.05.2025). (In Russ.).
- Einstein, A. (1965) *Physics and Reality: a collection of articles*. Moscow: Nauka Publ. 360 p. (In Russ.).
- Einstein, A. (2016) *The World As I See It*. Moscow: AST Publ. 200 p. (In Russ.).
- Eliade, M. (2000) *A History of Religious Ideas*. 2 vol. St. Petersburg: Aleteia Publ. 394 p. (In Russ.).

Submission date: 23.08.2025.

Елена Владимировна Гилл — кандидат философских наук, доцент Научно-образовательного центра «Гуманитарная урбанистика», Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Адрес: 173014, Российская Федерация, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41. Тел.: +7 (951) 721-02-53. Эл. адрес: novsu.maximova@mail.ru

Elena Vladimirovna Gill, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Scientific and Educational Center “Humanitarian Urban Studies”, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. Postal address: 41, Bolshaya Sankt. Petersburgskaya St., Veliky Novgorod, Russian Federation, 173014. Tel.: +7 (951) 721-02-53. E-mail: novsu.maximova@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2025.3.7

Проблема равенства в классическом французском либерализме

Часть I

Аристократический либерализм Бенжамена Констана

Г. Ю. КАНАРШ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

Статья посвящена исследованию проблемы равенства в классическом французском либерализме первой четверти XIX в. По сути она является продолжением работ автора о равенстве, опубликованных ранее в журнале «Знание. Понимание. Умение» (2024. № 1, 2, 3). Однако данный текст имеет самостоятельное значение, поскольку посвящен важному идеологическому феномену, который знаменует собой этап становления поли-